

Часть 1

ПЕНЗЕНСКАЯ ЕПАРХИЯ
ДО РЕВОЛЮЦИИ

Глава 1

Гаий (Георгий Такаов), 1799–1808

Преосвященный Гаий (1750–1821) происходил по женской линии из князей Грузинских, ведущих свою родословную от библейского царя-пророка Давида, от которого происходит по плоти и сам Иисус Христос. Это нашло свое отражение в гербах Грузинского Царского Дома, где имеются изображения арфы царя-псалмопевца и пращи – оружия, с помощью которого Давид победил Голиафа, а также изображение хитона Иисуса Христа, являющегося величайшей святыней Грузии, привезенной в эту страну святой равноапостольной Ниной и бережно хранящейся Грузинской Православной Церковью. Возможно, что такое происхождение наложило на будущего святителя Гаия отпечаток с самых юных лет, почему он и решил посвятить себя впоследствии служению Господу.

Родился Преосвященный Гаий в Грузии, в с. Магаро, и при крещении был назван в честь покровителя своей страны – святого Георгия Победоносца. Юные годы он провел при дворе царя объединенного Картлийско-Кахетинского царства Ираклия II (1720–1798), в присутствии которого в 1770 году в Тифлисе был пострижен в монашество католикосом Грузии Антонием I (1720–1788). В следующем году он получил сан иеродиакона и вместе с рукоположившим его святителем в составе грузинского посольства, возглавляемого царевичем Леваном (Леоном) Ираклиевичем (1756–1781), отправился в Петербург, но разразившаяся эпидемия чумы остановила их на самом краю Российской империи, в связи с чем им на целый год пришлось задержаться в Астрахани.

В Петербург Гаий прибыл лишь в 1773 году и поселился в Александро-Невской Лавре, где в семинарии начал изучать русский язык, а вскоре, попав при содействии католикоса Антония под покровительство тверского архиепископа Платона (будущего митрополита Московского), стал обучаться латинскому и греческому языкам. Неизвестно, каких успехов он достиг в последних, а вот русский язык ему давался с большим тру-

дом, почему он за всю свою жизнь так и не научился как следует говорить по-русски. Тем не менее царь Ираклий II вызвал его в 1778 году к себе для учреждения в Тифлисе училища русского языка. Однако учителем он пробыл недолго и уже в следующем году был рукоположен во иеромонаха. В 1780 году вновь приехал в Россию, где по производству в сан игумена поступил в свиту могущественного князя Г. А. Потемкина.

В это время Ираклий II, “умный, храбрый и сильнейший из грузинских царей”, как говорила о нем позднее императрица Екатерина II, в целях ограничения притязаний Ирана и Турции на Восточную Грузию искал союза с Россией, и Гайй в 1782 году был направлен в Тифлис для переговоров. Миссия его оказалась успешной – 24 июля 1783 года в русской крепости Георгиевск был заключен русско-грузинский (Георгиевский) трактат, ратифицированный Ираклием II 24 января 1784 года, по которому Российская империя брала под свое покровительство Картлийско-Кахетинское царство. Игумен Гайй по своему возвращению в Петербург в присутствии самой императрицы был произведен в архимандрита с оставлением в свите князя Потемкина, а в 1785 году назначен первым членом Осетинской комиссии, созданной для распространения христианства по Кавказской укрепленной линии.

Во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов, когда Г. А. Потемкин, светлейший князь Таврический, командовал армией, Гайй состоял при екатеринославском архиепископе Амвросии (Серебренникове), в ведении которого находилось духовенство Новороссийска и занятых русскими войсками придунайских княжеств. В 1789 году Гайй был пожалован из Кабинета Ее Императорского Величества золотым крестом с украшениями. 29 мая 1793 года, уже после смерти Потемкина, последовавшей в 1791 году, в присутствии императрицы в Царском Селе состоялась хиротония архимандрита Гаия во епископа Моздокского и Можарского, викария Астраханской епархии.

До конца года он пробыл в Петербурге, присутствуя во Святейшем Синоде, а после смерти астраханского архиепископа Тихона указом Св. Синода от 18 декабря того же года ему было поручено временное управление Астраханской епархией, куда он прибыл 26 февраля 1794 года и оставался в Астрахани до 16 апреля следующего года, после чего отбыл в Моздок.

Моздок – форпост в центре Кавказской укрепленной линии в Северной Осетии, основанный в 1763 году. В духовном управлении относился к Астрахани, отстоящей от него более чем на 500 верст. Викариатство это было открыто для обращения в христианство осетин, но просуще-

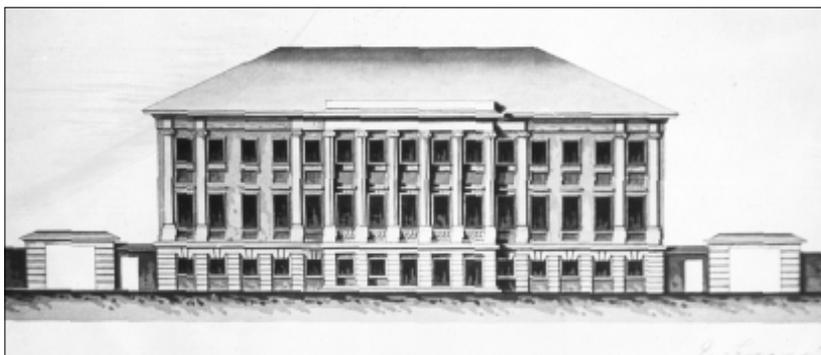
ствовало оно недолго – лишь до 1799 года, так что Гаий явился и первым и последним епископом Моздокским. Тем не менее за пять с половиной лет его святительства в Северной Осетии вдвое увеличилось число христиан, для которых он перевел на осетинский язык “Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного Писания”. Было построено несколько церквей и основаны два монастыря – Преображенский мужской и Успенский женский, правда, весьма малочисленные, так что после упразднения Моздокского викариатства они, как “не вполне устроенные и требовавшие значительной суммы для своего устройства от казны”, были упразднены.

16 октября 1799 года была образована самостоятельная Саратовская епархия, первым епископом которой, под названием Саратовского и Пензенского, стал Гаий (Такаов). Местом постоянного пребывания ему, однако, был назначен не губернский Саратов, а уездная Пенза – бывший центр упраздненной в 1797 году Пензенской губернии, где в то время пустовал огромный наместнический дом, получивший после переезда в него Гаия название архиерейского.

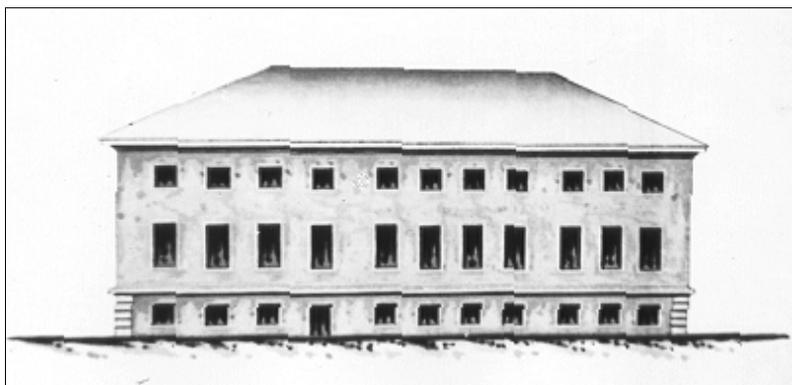
Таким образом, сложилась весьма необычная ситуация – епархиальным центром новой епархии стал уездный город, а не административный центр губернии, как предписывалось существующими правилами. Епархия же свое название получает, само собой разумеется, по тому городу, где располагаются архиерейская кафедра и архиерейский дом. Исходя из этого принципа, вновь образованная епархия должна была бы называться Пензенской. Точно такое же положение сложилось и в Оренбургской губернии, учрежденной вместо Уфимской, где епархиальным центром стал не губернский город Оренбург, а уездный – Уфа. Объясняется это тем, что после упразднения Пензенской и Уфимской губерний в их центрах оставались пустующими казенные строения – присутственные места и губернаторские дома, которые Св. Синод испросил для духовного ведомства.

Итак, хотя наша епархия юридически и числилась Саратовской, фактически она с самого начала являлась Пензенской.

Вскоре, однако, а именно 9 сентября 1801 года, Пензенская губерния была восстановлена в составе 10 уездов – Пензенского, Саранского, Нижнеломовского, Керенского, Наровчатского, Краснослободского, Инсарского, Чембарского, Мокшанского и Городищенского. В Пензу прибыл губернатор Ф. А. Вигель, но Гаий отказался освободить занимаемый им дом, который отошел духовному ведомству и стал служить местом пребывания всех Преосвященных, управлявших до революции Пензен-

Архиерейский дом

Здание духовной семинарии

ской епархией.

Возвращение Пензе статуса губернского города неизбежно привело и к изменению названия епархии, архиерейская кафедра которой продолжала оставаться в Пензе: 4 декабря 1803 года епархия стала именоваться Пензенской, а Гаий – епископом Пензенским и Саратовским.

На устройство в Пензе архиерейского дома Гаий получил разрешение использовать деньги, вырученные им от продажи архиерейского дома в Моздоке, откуда он перевез все что только было можно – архиерейскую ризницу, церковную утварь, богослужебные книги, а кроме того и своих ближайших помощников – соборного протоиерея Феодора Ливанова, назначенного им на новом месте кафедральным протоиереем, префектом семинарии и членом консистории, своего любимца – секретаря консистории Малова, ставшего, таким образом, и первым секретарем Пензенской консистории, а также, возможно, и других служителей. Из числа пензенского духовенства в консисторию были определены ключарь собора священник Алексей Андреев, священник Троицкого женского монастыря Алексей Григорьев и, вполне вероятно, бывшие члены духовного правления, существовавшего в Пензе в тот период, когда она в духовном отношении подчинялась Тамбову, – протоиерей Никольской церкви Григорий Александровский, в 1801 году назначенный благочинным градских церквей, соборный священник Николай Васильев, впоследствии ключарь и протоиерей кафедрального собора. На них главным образом и легло бремя забот по управлению епархией, поскольку сам Преосвященный к административной работе не особенно-то и был склонен.

Переехав в Пензу из Саратова, первое, что увидел епископ Гаий рядом со своим домом, – это стоящую посреди площади колокольню с устремленным ввысь длинным шпилем, которая была заложена в 1790 году еще с благословения епископа Тамбовского Феофила, и окончена в 1799 году. Рядом с ней был уже сделан и фундамент для самого храма, но такого огромного размера, что Владыка засомневался в возможности скорого окончания постройки и предложил уменьшить его со всех сторон на два аршина. Был составлен и новый проект, выдержанный в строгих классических формах. От старого же проекта пришлось оставить уже сделанную колокольню, почему до самой ее перестройки в конце XIX века она несколько выпадала из ансамбля.

По приезде в Пензу новый архиерей сразу же озаботился поиском средств для строительства собора. Этому в немалой степени способствовали его общительность и хлебосольность. Как пишет в его биографическом очерке И. П. Бурлуцкий, "...не будучи ни глубоким администрато-

Епископ Гай (Такаов)

ром, ни ученым, Преосвященный Гаий успел привлечь к себе любовь своей паствы. Он был добр, любил благотворить; двери его дома были всегда открыты для лучшего пензенского общества, в которое он и сам любил выезжать. Он любил нарядную, светскую обстановку жизни, имея к тому все средства по своему отношению к фамилии царей Грузинских. Старожилы помнят его великолепный выезд в золотой карете в шесть лошадей, заложенных в блестящих шорах. Подобным образом и в доме его все отличалось самым лучшим тоном”⁸. Ему вторит и другой биограф епископа Гаия: “Величественный и окруженный пышностью, Гаий не был высокомерен. Приветливый и радушный, он был душою провинциального общества, которое он поил и кормил на славу. В торжественных случаях у архиерея шел трехдневный пир не только для почетных лиц, но и для всего городского духовенства”⁹.

Поэтому поданный самим Владыкой пример пожертвования на строящийся кафедральный собор быстро нашел ответ в сердцах пензенских жителей, наиболее ревностными благотворителями среди которых стали купцы Михаил Степанович Любовцов и Петр Никифорович Кузнецов, пожертвовавшие на строительство соответственно 10000 и 1000 рублей, а также Ефим Петрович Шульгин, бывший соборным старостой и непосредственно занимавшийся постройкой храма. Глядя на них, и другие посчитали себя обязанными внести свою лепту на сооружение этого грандиозного сооружения, ставшего через четверть века лучшим украшением города. Они понимали, что стараются не для себя, а в первую очередь для Господа да на радость потомкам, чтобы тем было за что добром помянуть своих родителей. И деньги, как говорится, потекли рекой.

В 1803 году уже состоялось освящение нижней церкви собора во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, украшение которой, правда, вначале было довольно скромным. Но окончания постройки собора Владыка Гаий так и не увидел, – в 1807 году он был перемещен на Астраханскую кафедру, и к этому моменту в соборе лишь были частично сделаны своды верхнего храма.

Другим важным событием в жизни епархии в правление Гаия было открытие в Пензе духовной семинарии – в соответствии с указом Св. Синода от 16 июня 1800 года. Она разместилась в бывшем вице-губернаторском доме, также освободившемся в связи с упразднением Пензенской губернии. В семинарские дела, однако, Гаий вникал мало, полностью полагаясь на своих приближенных. Как пишет историк Пензенской духовной семинарии А. И. Троицкий, в семинарии он появлялся лишь “в качестве почетного гостя с пышной торжественностью, которою он лю-

бил обставлять и свое служение, и свои выезды”¹⁰. Надо думать, что неспособность его к русскому языку (даже резолюции он подписывал лишь тремя буквами – Г. Е. П., что означало Гаий, епископ Пензенский) помешала ему получить и соответствующее образование, необходимое для того, чтобы уметь разобраться во всех вопросах епархиального управления и постановки семинарского образования. Хотя, конечно, давала знать о себе и его “голубая кровь”.

Зато все недостатки его речи и административных качеств компенсировались его личными достоинствами – приветливостью, ласковым обращением, мягкостью и тихостью нрава, добротой и щедростью, исключительной пронизательностью. Последнее качество особенно ярко проявлялось перед рукоположением священнослужителей, накануне которого он призывал их к себе и долго смотрел им в лицо, словно пытаясь проникнуть в самые закоулки души¹¹. Постригая в монашество будущего архиепископа Рязанского Феофилакта, он предсказал ему святительский сан, что говорит не только о пронизательности Гаия, но и о его духовной прозорливости, свидетельствующей о проявлении пребывающей на нем благодати архиерейства.

Формальное отношение Гаия к своим обязанностям по управлению духовной семинарией восполнялась щедростью к ее воспитанникам и учителям. Как пишет Шереметевский, “семинарская корпорация запросто угощалась у него и в праздники и в будни”¹². Тем самым в коллективе преподавателей утверждалась атмосфера доброжелательности, чего невозможно достигнуть никакими административными указаниями, а это, в свою очередь, не могло не сказаться и на уровне преподавания. И не случайно при его отъезде в Астрахань “все сожалели о сем пастыре, яко кротком и нежном отце”¹³.

Людская память и сохранившийся портрет доносят до нас облик первого пензенского иерарха: “Преосвященный Гаий был росту высокого, имел осанку величественную... волосы имел на голове и бороде черные, лицо смуглое”¹⁴.

Восьмилетнее пребывание епископа Гаия на Пензенской кафедре не осталось незамеченным при Императорском Дворе: в 1804 году ему был пожалован орден Св. Анны 1-й степени, а в 1806 году – панажия, украшенная драгоценными камнями. Указом Св. Синода от 10 января 1808 года Преосвященный Гаий был переведен на Астраханскую кафедру с саном архиепископа. Не останавливаясь подробно на его астраханском периоде жизни, продолжавшемся 13 лет, отметим только, что и там он отличался благотворительностью, радушием и отеческим участием к нуж-

дам своих подчиненных, надолго оставив в них память о времени своего правления как о "золотом веке".

Скончался архиепископ Гайй 20 февраля 1821 года и был погребен в астраханском соборе, украшению которого он отдал много сил и средств. Закончился его земной путь там же, где нашли до того упокоение старшие представители его родословного древа – царь Кахетии Теймураз II (+ 1762) и Вахтанг VI, царь Картли (+ 1737).

